

Телохранитель Евгения Охотникова

Марина Серова

Продавец цветов

«Научная книга»

Серова М. С.

Продавец цветов / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Телохранитель Евгения Охотникова)

© Серова М. С.
© Научная книга

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Марина Серова

Продавец цветов

* * *

На этот раз моя интуиция меня подвела. Или, можно даже сказать, подставила. Причем самым неприглядным образом. Выработанная за много лет способность предвидеть и ощущать опасность в данной конкретной ситуации проснулась с опозданием в целую секунду. И это была не просто секунда, а секунда с очень маленьким, совершенно незаметным при других обстоятельствах хвостиком. Но в такой обстановке не замечать и пренебрежительно относиться к подобным «хвостам» – было расточительной и абсолютно непозволительной роскошью. Потому что на этот раз, возможно, именно этого «хвостика» мне и не хватило.

Обычно для меня чувство опасности зримо и осязаемо почти физически. Точно так же, как и кулак, которым бьют по лицу, или завораживающая черная бездна направленного на тебя в упор автоматного ствола. Однако несколько минут назад внутренний крик предостережения практически слился с оглушающей болью удара. Багровое пламя зловещим отблеском вспыхнуло в моих глазах, и сразу же вслед за этим сознание глубоко и внезапно, как ныряльщик в пучину, погрузилось в непроглядную тьму...

С момента удара и до того времени, когда сознание пульсирующими болезненными толчками начало медленно возвращаться ко мне, прошло, судя по всему, не меньше пяти или шести минут. Веки, налитые тяжестью, будто расплавленным свинцом, придавили глаза и никак не желали приподняться. После нескольких безуспешных усилий справиться с ними я окончательно бросила эти бесплодные попытки. Навалившаяся на тело усталость была не только сильнее, чем желание прийти в себя, но и настойчиво толкала снова упасть на самое дно колодца спасительного беспомыслия.

Не знаю, били ли вас когда-нибудь по голове резиновой дубинкой, деревянной битой или на худой конец обрезком железной трубы. Уверена, что это были далеко не самые лучшие и приятные воспоминания в вашей жизни. За время весьма специфического обучения в одном закрытом учебном заведении мне не однажды приходилось видеть, а иногда и испытывать, как говорится, на собственной шкуре множество способов «отключения» человека. И этот способ, несмотря на всю свою ужасную грубость и первобытную простоту, сработал очень эффективно и безотказно.

Я почувствовала себя частным сыщиком одного из расплодившихся, как грибы после летнего дождя, дешевых и нудных детективных телесериалов. Только там и почему-то исключительно именно эту категорию лиц бьют чем-то тяжелым по голове. При этом они чувствуют, как «вокруг них сомкнулась чернота». Или как «сознание постепенно покидало меня». Иногда они видят, как «молния сверкнула перед глазами» или же, наоборот, «померк свет». Я всегда удивлялась и откровенно завидовала прямо-таки железобетонной прочности их черепов.

В книгах и кинофильмах человек после удара, выражаясь языком экспертов-криминалистов, «твердым предметом с ограниченной поверхностью» теряет сознание, а когда приходит в себя, чувствует лишь легкое головокружение. В остальном же все в норме. Просто на каком-то отрезке времени главный герой бездействует, предоставляя тем самым остальным персонажам совершить необходимые по сюжету действия. А потом с потрясающей легкостью приходит в себя и очень быстро наверстывает упущенное.

Моя нынешняя работа была близка и сродни работе частного детектива. Я была боди-гардом, или телохранителем, и поэтому знала не понаслышке, что череп, даже самый крепкий, как у всех этих виртуальных теледетективов, – весьма уязвимая часть у любого человека. Если

вас ударят по голове гаечным ключом, бутылкой, молотком, дубинкой или обычным стулом, вам вряд ли удастся заснуть спокойным сном – в девяносто девяти случаях из ста вы забудетесь в тяжелом беспмятстве.

А когда придете в себя, ваша голова будет буквально раскалываться на части. Волосы лишь слегка ослабят, но ни в коей мере не остановят удар, который рассечет кожу и вскрыет вам черепную коробку. Если повезет, то полученное сотрясение мозга окажется не очень сильным. Если же вам повезет дважды, то кровь не потечет по лицу, по шее и под одежду, а быстро запечется болезненной бугристой коростой на месте недавнего удара. Затем вы начнете щуриться на свет и чувствовать от него совершенно невыносимую боль. Вы даже не сможете определить болевую точку, потому что вся голова будет гудеть, трещать и пульсировать.

Но я имела более чем солидную подготовку в области боевых искусств, рукопашного боя и прочих единоборств, что и спасло мою голову, да и меня саму от полной катастрофы. Тело само, на уровне пробужденных долгими изнурительными тренировками древних инстинктов успело слегка, буквально на пару миллиметров, наклонить в сторону голову. В результате резиновая дубинка не проломила мне череп, а, задев ухо, соскользнула вниз и болезненно ударила в плечо. Рука онемела в мгновение ока. Но зато голове удалось уцелеть. Если, конечно, это можно было так назвать.

– Ну что очухался, старый козел? – донесся до меня как-то странно приглушенный мужской голос.

Было такое впечатление, что у меня в ушах плотные ватные затычки. Голос звучал без злобы, обыденно и даже немного лениво. Словно его обладатель был чрезвычайно утомлен суетой земной жизни и лишь добродушно мирился с фактом собственного существования и наличием вокруг себя других особей, представлявших род человеческий.

– Ну-у, ты это напрасно молчишь, – протянул тот же голос и затем, судя по звуку и запаху, глубоко затянулся сигаретой. – Подумай сам – кому ты делаешь хуже? Может, мне? Нет... А может, Утюгу? Уверяю тебя – нет... Хуже ты делаешь только себе, – добавил он.

Но обращались явно не ко мне.

– Я ничего не знаю, – сдавленно прохрипел чей-то знакомый голос.

– А вот обманывать нехорошо, – назидательно, словно библейский пророк, несущий свет истины заблудшей пастве, ответил тот же человек. – Совсем нехорошо... И я этого о-очень не люблю.

К этому времени я уже начала более четко различать доносившиеся до меня звуки. Одновременно манера речи говорившего все больше и больше стала напоминать мне поповскую привычку значительным тоном изрекать избитые фразы и откровенные банальности. Так говорят только люди, искренне считающие, что все окружающие являются сплошным дерьмом, в то время как они сами – просто щедрый подарок, дарованный господом этому миру.

– Ну о-очень не люблю, – повторил говоривший после секундной паузы. – Знаешь, ведь я могу и устать – мое ангельское терпение не безгранично. Мои уши уже откровенно пухнут от твоей лапши. Еще немного, и Утюг сделает с тобой что-нибудь ужасное. Правда, Утюг?

– Да что ты с ним цацкаешься?! Да я ему сейчас всю рожу по стенке размажу!! – нервно произнес истошный, местами срывающийся на визг голос, принадлежавший, судя по контексту, Утюгу.

– Ну что? Слышал?

– Я не знаю ничего, – почти зарыдал очень знакомый, но все еще не узнанный мною голос.

– Ну, надо же какой ты упрямый! Ладно... Утюг! Сделай с ним что-нибудь ужасное.

Налитые свинцовой тяжестью веки наконец слегка разлепились, и расплывчатое солнце через завесу густых ресниц сразу же атаковало мои глаза острыми иглами лучей. Ощущения медленно возвращались ко мне. Тело стало подавать сначала робкие, а затем все более явственные сигналы о себе. Я сидела на стуле с подлокотниками. Мои руки были крепко к этим под-

локотникам привязаны. А ослепившее в первый момент меня солнце на самом деле оказалось обычным окном городской квартиры.

– На-а!! Получай, падла!! – внезапно ударил по ушам истеричный вопль Утюга.

Вслед за этим последовали звуки нескольких глухих ударов. Видимо, разъяренный Утюг, не отличавшийся излишней сдержанностью, отчаянно пинал чье-то тело, захлебываясь собственной злобой и упиваясь абсолютной безнаказанностью. При этом удары сопровождались визгливым аккомпанементом, как будто его поджаривали на вертеле или неожиданно всадили тонкое шило в мягкое место пониже спины.

– Ну хватит, хватит, Утюг, – лениво скомандовал голос первого. – Ты его так до смерти забьешь. А он пока еще ничего нам не сказал.

Обладатель ленивого голоса явно играл здесь первую скрипку. Повинуясь его небрежно роняемым словам, Утюг остановился и тяжело запыхтел. Я наконец обрела способность более-менее четко различать сквозь опущенные ресницы предметы и обстановку вокруг меня.

Насколько позволял мне видеть открывшийся обзор, я находилась в довольно большой и неплохо обставленной комнате. Почти напротив меня располагался большой шкаф-купе с зеркальной поверхностью, что создавало иллюзию дополнительного пространства и позволяло мне видеть стену позади меня. Но, кроме замысловатого рисунка обоев и нескольких небольших пейзажей, затиснутых в аккуратные лаковые рамки, увидеть что-либо еще у меня не получилось. Справа от меня находилось мягкое кресло с деревянными подлокотниками, украшенными затейливой резьбой.

На кресле, полуразвалившись, восседал длинный конопатый тип лет тридцати, с усами и с выражением бесконечной усталости на лице. Он курил маленькую дорогую сигару, золотой ободок которой периодически поблескивал в лучах света из окна, словно драгоценный самородок. От сигары распространялся терпкий дым. За неимением пепельницы пепел стряхивался прямо на ковровое покрытие.

Утюг вместе с его жертвой находились чуть дальше конопатого, поэтому увидеть их, не повернув головы и тем самым не выдав себя, я не могла.

– Черт!! – вновь завизжал, словно нервная капризная женщина, Утюг. – Бен! Что делать?! Он, кажется, отъехал!

– Совсем? – по-прежнему равнодушно, выпустив густую струю ароматного сигарного дыма и не поведя даже и бровью, спросил конопатый, названный Беном.

– Не-е знаю, – не очень уверенно протянул Утюг.

Судя по всему, кроме неуравновешенной психики, Утюг страдал еще и некоторым недостатком умственных способностей.

– Пощупай ему пульс, – устраиваясь поудобнее в кресле, сказал Бен. – Ну, что? Есть? – поинтересовался он через полминуты.

– Есть.

– Да-а, народец нынче хлипкий пошел, – начал философствовать конопатый Бен, – дашь ему пару раз по морде, а он уже и сказать ничего не может. Оставь его. Пускай очухается. А вроде такой крепкий с виду – другой на его месте давно бы уже раскололся. Да только все туда же – вырубился.

– Бен, – подал голос Утюг. – По-моему, такого мордобоем не возьмешь. Пока терпеть может – будет молчать. А когда не сможет – сразу в аут. Для него другое что-нибудь надо придумать – чтоб и мало не показалось, и чтоб сознание не потерял. Слушай! Может, ему паяльник в задницу вставить? Пока нагреется, может, и поумнеет?

Довольный собственной мыслью, которая явно рисовалась ему верхом остроумия, Утюг радостно заржал.

– Да, не-ет, – вальяжно протянул конопатый, – ты лучше, когда он очухается, дай его тетке свой паяльник попробовать. Тогда-то уж он точно должен сказать.

Эта идея Утюгу понравилась еще больше, чем его собственная. Теткой, судя по всему, была я. Мое сознание и способность правильно воспринимать окружающую реальность к этому времени прояснились уже отчетливо.

Тетка! Что-то горячее моментально поднялось из глубины моей души и, как пена в закипающем котле, подступило к самому горлу. Ну нет уж – теткой пускай называет кого-нибудь другого, но только не меня!

Евгения Охотникова вовсе не тетка, а привлекательная девушка двадцати девяти лет, на которую многие мужчины оборачиваются на улице, рискуя при этом свернуть себе шейные позвонки. К тому же я прекрасно знала, что никакого мужика у меня нет. Те, кого я встречала до сих пор, не были достойны моего внимания.

Но ведь рядом, за пределами моего поля зрения, кроме Утюга, находился кто-то еще. Тот, кого, по словам конопатого Бена, кутившего дорогую сигару, мое изнасилование должно было чрезвычайно расстроить. Это мог быть только клиент, или заказчик – можете называть его как хотите, и означало это лишь одно – что я на работе и допустила серьезный промах, который необходимо исправлять, и как можно быстрее.

Мои рассуждения были прерваны приближением Утюга. Его крупное лицо с грубоватыми, как у персонажей американских комиксов, чертами выросло перед моими глазами и заслонило весь обзор. Сквозь опущенные ресницы его кожа казалась темной, отчего он представлялся профессиональным злодеем.

Тяжелое, с вязкими остатками сладковатого перегара, дыхание мутной волной обдало мне лицо. В следующее мгновение липкие и потные ладони с каким-то поросычьим сладострастием прикоснулись к моей груди. Пыхтение Утюга мгновенно стало заметно чаще. От накатившего вожделения кровь прилила к его лицу, придавая ему свекольный оттенок. Еще немного, и из приоткрытого рта должны были потечь сладострастные слюни.

Но мне не удалось узреть данную картину. Потому что в следующее мгновение он, по-прежнему оставив левую руку на моей груди, опустил на корточки, а правой раздвинул мне бедра. В этот момент его голова оказалась чуть выше уровня моих коленей и как раз между ними. Все мышцы моего тела напряглись, как набухшая весенняя почка на ветке дерева. Это длилось не больше секунды, но я почувствовала, как крошечная капелька пота скатилась по спине. Затем мои колени резко разошлись в стороны, а затем с ошеломляющей внезапностью ударили голову Утюга одновременно с двух сторон.

Он вскочил на ноги и схватился ладонями за разбитые уши. Удара он явно не ожидал. На его лице быстро появилась гримаса боли и бесконечное удивление, словно он увидел говорящего дельфина. Кровь отхлынула от его лица.

В другое время и в другой обстановке такого удара мне хватило бы, чтобы отправить противника в хороший нокдаун. Но он оказался худым и жилистым, как электрический кабель, да и моя исходная позиция была далеко не самой удачной, поэтому Утюг не потерял сознание и не упал.

– Ч – черт! Я тебя сейчас в повидло размешаю! – взвыл он, словно мощная сирена морского буксира.

Что выражали его глаза в этот момент, понять было нельзя – они казались лишенными чувств и других каких-либо проявлений мыслительной деятельности и весьма навязчиво напоминали две прозрачные пластмассовые пуговицы. Однако дать себя размазать в повидло в мои планы совершенно не входило. Впрочем, быть изнасилованной ради нравственных страданий моего клиента – тоже.

Я вовсе не причисляла себя к недотрогам и не строила неприкосновенной святости из собственного тела. Более того, мне частенько приходилось выступать в роли няньки разнервничавшегося клиента и оказываться с ним в постели. Но в данный момент случай был явно

другим, а его паучьи прикосновения к груди и бедрам вспарывали мне душу хлестким, усаженным острыми шипами бичом.

Но мои руки были привязаны к подлокотникам и времени освободиться до того, как Утюг начнет претворять свои намерения в жизнь, не было. И я, продолжая сидеть, резко ударила его ногой в промежность. На этот раз Утюг подавился собственным хрипом, согнулся пополам и повалился на пол, где и остался лежать.

Итак, Утюг на ближайшую временную перспективу был нейтрализован. Однако второй человек – Бен с конопатым лицом – поднялся с кресла и двинулся ко мне. И хотя по всему было заметно, что он не боец, а что-то вроде мозгового центра среднего звена, но и мое положение не давало возможности проявить все свои выдающиеся борцовские качества.

Я попыталась встать, но совершенно при этом забыла о привязанном к моим предплечьям стуле. И выпрямиться моему мучительно затекшему телу он не позволил. Вместо лихого прыжка я предстала перед ухмыляющейся физиономией Бена в позе древней старушки-пенсионерки, страдающей радикулитом.

Он одарил меня снисходительной гримасой, а зрачки его глаз безжалостно сузились. На нем был пиджак песочно-горчичного цвета с пестрым галстуком, с претензией на моду и стиль. Однако от его вида любого нормального человека должно было мутить. Лицо Бена носило следы, характерные для тех особ, которые под влиянием безудержного разврата и гастрономического пресыщения становились такими же безжизненными и холодными, как у покойников в морге.

Сейчас он смотрел на меня так, будто заметил мерзкого паука или таракана, приклепнуть которого не составит никакого труда. В ответ на его презрительный взгляд я превратилась в сплошной комок туго переплетенных нервов и мышц и, словно бык на тореадора, ринулась вперед, метя Бену в солнечное сплетение. Однако он быстро уловил мое намерение, и оба его сжатых кулака уже готовы были обрушиться на мою ничем не прикрытую шею. Но я резко крутанулась на месте, словно заведенная сильной рукой юла. Стул за спиной, повторяя мое вращательное движение, описал дугу, попутно смел стеклянную вазу с журнального столика и тяжелым тараном ударил Бена сбоку по ребрам.

Тот не устоял на ногах и отлетел в сторону шкафа. Его голова угодила в зеркальную стенку, отчего отражение комнаты заколыхалось. Он вздрогнул, как марионетка, которую резко дернули за все нити одновременно, а затем проворно вскочил на ноги. Однако для этого ему понадобилось пусть не очень большое, но вполне определенное время. И я это время тоже не теряла даром.

За эти секунды мне удалось несколькими энергичными движениями освободить левую руку. Я мысленно поблагодарила своего инструктора-наставника в «Ворошиловке» по рукопашному бою. Это он заставил меня разучить невероятно сложный комплекс упражнений на растяжку и гибкость.

Именно благодаря приобретенной с его помощью почти пластилиновой гибкости я сейчас и смогла освободить левую руку. Придавленные резиновым жгутом к подлокотнику вены освободились, оживляя затекшие мышцы потоком теплой крови. Но на вторую, правую руку времени уже не оставалось. Однако я уже могла выпрямиться и не стоять в скрюченной позе.

Я быстро повернулась к Бену левым боком и, словно выкидное лезвие из ножа, выбросила ему навстречу ногу. Увернуться Бен не успел, но рефлекторно согнулся вперед, смягчая принятый животом удар.

Его голова вновь встретила затылком с зеркальной поверхностью шкафа. На этот раз зеркало не выдержало и со звоном разлетелось на множество блестящих осколков, обильно усыпав ими пол и голову Бена. Его усы мгновенно обвисли, а все веснушки, до этого не очень бросающиеся в глаза, четко выступили на испуганном лице. Нервным движением он прижал ладони к щекам и, как-то сразу затихнув, затаился на полу.

Но одновременно со звуком бьющегося стекла мою левую лодыжку захлестнул крепкий, словно объятия удава, захват. Пришедший в чувство после позорного поражения Утюг предпринял отчаянную попытку реабилитироваться в собственных глазах. Все так же не отрывая одной руки от паха и оставаясь лежать на полу, он другой рукой обхватил мой голеностоп и резким движением выворачивал его. Еще небольшое усилие с его стороны – и мне вместе со стулом пришлось бы растянуться на полу между ним и Беном в опасной близости от них обоих.

Я рефлексивно попыталась отдернуть ногу, но Утюг сначала обманчиво поддался моему движению, а сам тем временем только еще сильнее укрепил захват и потащил меня вниз. Моя правая рука совершенно автоматически занесла все еще привязанный к ней стул вверх, а затем как тяжелый кузнечный молот обрушила его на лежащего Утюга.

В удар я вложила всю свою ненависть, так как он не заслуживал ни малейшей жалости и снисхождения. После полученного удара Утюг снова вырубился. Пока мои противники валялись в отключке, я освободила правую руку. И сразу же во всем теле возникла необычайная легкость, как после долгой лихорадки. Носком правой ноги я ткнула вновь начавшего приходить в себя Утюга в солнечное сплетение. На этот раз он, не издав ни звука и согнувшись в животе, перевернулся лицом вниз. Я смотала с подлокотника разболтанного ударами стула жгут, которым еще совсем недавно была прикручена к нему. Затем сильным движением завернула Утюгу руки за спину, согнула ему ноги в коленях и связала все его конечности вместе.

Следующей была очередь Бена.

– Ты пожалеешь об этом, – угрожающе-злобно, как змея, зашипел он в ответ на мое приближение, хотя после двойного полета в шкаф не в силах был даже толком пошевелиться.

И куда только девался его недавний напыщенный тон?! Как говорят в Одессе, это две большие разницы – разглагольствовать за спиной крепкого молодчика и столкнуться с сильным противником один на один. Но угрозы в свой адрес мне приходилось слышать не один раз. И даже не два. Поэтому, не обращая ни малейшего внимания на реплики в свой адрес, я подхватила его за брючный ремень и, приподняв вверх, хорошенько встряхнула, как пыльный половик. Он мгновенно обвис, словно неокрепший щенок, из-за чего создалось впечатление, будто он состоял только из одних безвольно болтавшихся рук и ног.

Затем я проделала с ним тот же самый маневр, что и с Утюгом. С той лишь разницей, что на этот раз для связывания был использован выдернутый из брюк его же собственный ремень.

– Да ты знаешь... – начал было он старую песню, но мой энергичный пинок быстро прервал его гневную тираду.

Он перестал высказывать недовольство и лишь начал мелко подрагивать и покрываться крупными пупырышками, как голая деревенская девка, которую глубокой осенью выгнали из бани во двор.

– Че-ерт, – подал слабый голос Утюг.

Однако он немного удивил меня своей фантастической способностью так быстро приходить в себя.

– Я ж тебя в повидло размешаю, – повторил он свою недавнюю угрозу.

– Не размешаешь, – бодрым тоном, насколько мне это позволяли ноющие ушибы на голове и плече, ответила я. – Опыта маловато будет.

В ответ на мое язвительное замечание он заерзал в бессильной злобе, пробуя на прочность затянутый на руках и ногах узел. Но узел не поддавался. Я не без некоторого удовольствия и, не скрывая злорадства, понаблюдала за его бесплодными потугами, а затем оглянулась в поисках зеркала. Итак, благодаря моим усилиям оперативная обстановка изменилась самым кардинальным образом. Теперь «командовать парадом» всецело предстояло мне. И после резкой смены декораций, когда противник обездвижен и полностью нейтрализован, было бы неплохо привести себя в мало-мальски приличный вид.

После легких косметических процедур я намеревалась заняться глубокой «разработкой» Бена с Утюгом. Однако слабый стон, раздавшийся за спиной, прервал мои поиски зеркала. Я, увлекшись расправой над Беном и Утюгом, совсем забыла, ради кого, почему и зачем находилась здесь. Я резко развернулась. Приблизительно в двух метрах от меня со связанными за спиной руками на полу лежал человек. Я мгновенно узнала его. Это был мой клиент. События последних дней пестрой каруселью завертелись в моей голове.

* * *

Все началось в один из тех весенних дней, когда в извечном противоборстве зимы и весны весна медленно, но уверенно вступала в свои права.

В тот день, несмотря на яркое солнце и пробивавшуюся зелень травы, прохлада не отступившей окончательно зимы крепко давала о себе знать ночью и ранним утром. Организм, измученный долгими холодами и продолжительной темнотой, желал тепла и света. И неясные томления из самых глубин души неопределенными чувственными образами всплывают в сознании помимо воли. Одним словом – весна. Как поется в старой песне, «и даже пень в апрельский день березкой снова стать мечтает». Душа радостно подпевала этому жизнеутверждающему мотиву и хотела, даже не хотела, а прямо-таки жаждала любви.

Рассуждая о смене времен года и погоде, я смотрела в окно на пронзительно-голубое небо и шурилась от ярких солнечных лучей. Однако картина пробуждающейся природы и радовала мой взгляд, и одновременно будила воспоминания, где радость от подобного зрелища была отравлена удушливым смрадом гари, запахом еще дымящейся теплой крови и парализующим, всепроникающим страхом.

В это время года при виде звенящей беспредельной глубины неба в моей памяти часто всплывали картины весны в горах. Это непередаваемое по красоте и эмоциональному впечатлению зрелище. Уверена, что, увидев его в своей жизни хоть однажды, ни один человек уже никогда не забудет ни устремленных ввысь и подпирающих небо вершин, ни распускающихся бутонов горных цветов, ни поражающих воображение своей плотностью туманов и облаков, где начинаешь чувствовать себя мухой, барахтающейся в стакане молока.

Однако обстоятельства, при которых мне приходилось видеть горы Афганистана, Кавказа и другие, вовсе не располагали к философскому созерцанию природы. И причина этого заключалась в том, что бывать там мне приходилось не в качестве туриста, а в составе специального отряда «Сигма». И каждый раз наша миссия сводилась к выполнению боевых спецопераций. И поэтому горные вершины автоматически превращались в «господствующие высоты», пробивающаяся весенняя трава – в «зеленку», молочные туманы – в «сложные метеорологические условия». А блестящие зеленые мухи изумрудно поблескивали главным образом на глазах покойников, которые бессмысленно глядели в небо и не замечали окружающих их красот. И именно поэтому воспоминания о прекрасных пейзажах каждый раз оказывались затупеваны мутной ртутной пеленой.

В «Сигму» я попала после окончания специализированного закрытого учебного заведения, находящегося под непосредственным кураторством самых высоких военных и правительственных чинов. Заведение имело длинное и не удобовыговариваемое название. Но концовка звучала четко и отрывисто, как барабанная дробь: «Имени Климента Ефремовича Ворошилова». Поэтому мы – его слушатели и слушательницы, да и не только мы, называли его просто и лаконично – «Ворошиловка».

Специальность, которой там обучали, имела множество предметов и курсов. А также подразумевала овладение многими специфическими прикладными навыками: умением виртуозно пользоваться любым оружием, знать подрывное дело, водить все, что способно двигаться, владеть приемами боевых искусств, знать несколько языков и многое другое. В целом

же официально эта специальность числилась под наименованием «разведывательно-диверсионной работы».

– Что ты так в окно-то смотришь? Того и гляди скоро дырку в стекле проглядишь. Может, ждешь кого-нибудь? – со скрытой надеждой в голосе спросила тетя Мила, подойдя ко мне сзади.

– Нет, тетя, – ответила я, лениво отбиваясь от ее очередного намека о необходимости бросить свою не слишком спокойную работу и заняться устройством личной жизни, – я никого не жду. А смотрю просто потому, что весна.

В тетином вопросе заключался ее внутренний протест против той деятельности, которой я занималась в Тарасове. Хотя эта деятельность, надо сказать, была весьма и весьма небезуспешна и уже приносила ощутимые плоды, выраженные материально. После того, как в бывшем Советском Союзе власть подобно эстафетной палочке начала перебрасываться из одних рук в другие, на «Сигму» стали сыпаться настолько противоречивые приказы, что впору было подумать, что отдает их истеричная женщина в период интенсивных магнитных бурь. А на отряде это сказывалось только одним – ростом числа людских потерь.

В конце концов, устав терять товарищей в угоду амбиций руководства, где каждый всего лишь пытался оттяпать кусок пирога побольше только лично для себя, многие положили на стол начальству рапорты об уходе. Я тоже была в их числе.

После ухода из отряда каждый занимался кто чем мог. Я же уехала к тете в Тарасов – большой областной центр на Волге, где встала перед выбором: либо выйти замуж и сделаться обычной домохозяйкой, либо устроить свою жизнь как-то иначе. Однако после разнообразных и далеко не слабых встрясок, которые выпали на долю моей нервной системы, и громадного числа сильнейших впечатлений, полученных в «Сигме», участь домохозяйки показалась мне тоскливым, без намека на малейший просвет болотом серой обыденности. Поэтому после очень непродолжительных раздумий я, совершенно уверенная в собственной правоте, выбрала второе – «как-то иначе».

«Как-то иначе» в конечном итоге оказалось частной охранной деятельностью. И здесь, стоически преодолев первоначальное недоверие и собрав немалую коллекцию ехидных замечаний, базировавшихся на моей принадлежности к «прекрасной, но слабой половине человечества», я достигла впечатляющих для местного масштаба результатов. Я имела положительную репутацию, внутреннее удовлетворение от работы, массу острых впечатлений, тяга к которым, несмотря на мои двадцать девять лет, еще не угасла, и, разумеется, деньги. Не так много, чтобы, как заявил однажды по телевидению один из новоиспеченных олигархов, «не думать о них», но вполне достаточно, чтобы не терзаться по поводу дороговизны во время очередного похода в магазин.

В общем, это не была банальная, размеренная и регулярная работа, за которую я просто получала деньги. Это было нечто большее. То, что заставляло сердце биться учащенно, а тело – испытывать дрожь. Так дрожит лошадь перед препятствием... Однако моя милая тетушка мой выбор категорически не одобряла и потому не упускала случая, чтобы поколебать давно принятое решение. Правда, с течением времени она значительно сбавила свою деятельность в этом направлении, но не свернула ее окончательно.

В это время во двор дома въехал «жигуленок» темно-зеленого цвета. Он притормозил около сидевших на лавочке старушек, водитель приспустил стекло, что-то спросил и вскоре остановился прямо напротив нашего подъезда. Через несколько секунд из «жигуленка» вылез энергичный молодой человек в кожаной куртке и темных очках, лихо хлопнул передней дверью, затем открыл заднюю дверцу и извлек из салона роскошный букет цветов, размером с маленький холодильник.

– Ну надо же! – тихо ахнула тетя Мила при виде букета. – Кому же это?

– Девушке, наверное, – лениво зевнув и потянувшись, предположила я.

– Ну это и так понятно, что девушке, – неодобрительно посмотрела на меня тетя. – Интересно, какой именно?

– Ну, во-первых, совершенно необязательно, что именно девушке, – свредничала я, – сейчас считается совсем не зазорным, если один мужчина дарит цветы другому.

– Ну, Женя, скажешь же такое! – отшатнулась от меня тетя, как черт от ладана.

Она частенько реагировала подобным образом при любом упоминании о сексуальных меньшинствах.

– А ведь ты такая хорошенькая, – неожиданно заявила она после секундного молчания. – И какой-нибудь молодой человек мог бы и тебе принести такой же красивый букет.

– Когда-нибудь обязательно принесут, тетя, – с самым серьезным видом торжественно пообещала ей я.

Я любила свою тетю, жили мы с ней дружно, и я, чтобы не расстраивать ее, периодически брала на себя подобные обязательства.

Тетя отправилась в другую комнату, а я с задумчивым видом осталась стоять у окна. Яркий, но в то же время нежный красный оттенок цветов вновь погрузил меня в воспоминания недавнего прошлого. Я вспомнила алые лепестки маков, которые блестящими капельками крови в это время года начинали покрывать горные долины.

Между тем плавное течение моих мыслей внезапно было прервано трелью дверного звонка. Я вздрогнула от неожиданности и быстро перебрала в уме все недавние дела, в связи с которыми я могла быть удостоена визита. Таковых, однако, в моей памяти не оказалось.

«Возможно, это к тете», – подумала я.

В коридоре раздались шаги тети Милы по направлению к двери. Пока она шла, кто-то снаружи вежливо, но уверенно позвонил еще раз.

– Иду, иду, – торопливо сказала тетя, подходя к двери. – Сейч...

Ее речь оборвалась на полуслове, как будто ее горло в одно мгновение было внезапно и очень крепко сдавлено капроновой удавкой. Я моментально развернулась и в два прыжка оказалась сбоку от входной двери.

Я мгновенно напряглась в готовности моментально сбить тетю Милу на пол, чтобы обезопасить себя от возможного выстрела в дверной «глазок». Но тут же расслабилась: тетина рука лежала на замке, но прочная железная дверь, поставленная по моему настоянию с первого же гоноара, тем не менее, была заперта. Сама же тетя, застыв как вкопанная, прилипла к дверному «глазку».

Однако немая сцена явно затянулась, и снаружи поступил очередной сигнал в виде звонка. На этот раз он был заметно продолжительнее предыдущего и в его звучании, почти как в человеческом голосе, слышались отчетливые нотки нетерпения и раздражения. Звонком наконец-то вывел тетю Милу из состояния глубокого транса, и она медленно повернулась ко мне. Противоречивые чувства боролись на ее лице. Уголки губ слабо подергивались, пытаясь растянуться в недоверчивой улыбке.

Решительным движением я отодвинула тетю от дверного «глазка» и осторожно посмотрела через него на лестничную площадку, чтобы выяснить, какое чудо сумело вогнать ее в подобное состояние. Чудо было представлено молодым человеком, виденным нами обеими несколько минут назад в окно. Того самого, с букетом, о предназначении которого мы гадали. Букет тоже был на месте во всей своей красе.

– Это к тебе, – горячо зашептала тетя Мила мне на ухо.

– Дверью могли ошибиться, – попыталась я остудить ее чрезмерно страстный порыв.

– Да к тебе, к тебе, – также жарко продолжала тетя. – Больше не к кому.

– Кто там? – наконец прервала я молчание, царившее между внутренней и наружной сторонами железной двери.

– Охотникова Евгения... – бодро начал молодой человек с букетом, но слегка запнулся. – Максимовна, – продолжил он, заглянув в помятый бумажный листок, вытасченный из кармана, – здесь проживает?

Я еще раз оценивающе осмотрела молодого человека в «глазок». Видела я его впервые. За это я могла поручиться. За время обучения в «Ворошиловке» моя память была достаточно натренирована, чтобы узнать человека, которого я видела раньше хотя бы непродолжительное время или тем более имела с ним какое-либо дело. Выглядел он вполне миролюбиво и никаких признаков агрессивности и недоброжелательности не проявлял. В целом, впечатление, производимое им, было благоприятным. Единственная деталь, которая могла слегка подпортить мнение о нем, были очки с темными стеклами не совсем обычного темно-фиолетового оттенка.

Раздраженный необыкновенно длительным ожиданием, он выглядел как усталое солнце, вынужденное нести свой свет ничего не понимающим, неразумным созданиям. Оценив его как персону, не представляющую физической угрозы, я открыла дверь.

– Охотникова Евгения Максимовна, – снова произнес он, но на этот раз четко, без запинок и подглядываний в шпаргалку. – Это вы?

– Да, – кивнула я в ответ.

– Вам букет, – с чувством внутреннего достоинства и облегчения от осознания выполненного наконец долга произнес он.

Одновременно с этой фразой он протянул мне умопомрачительной красоты букет, одним своим видом способный привести любую женщину в почти священный восторг и трепет. Я бережно взяла его.

– До свидания, – вежливо, но уже официально сухо сказал молодой человек и повернулся на каблуках в сторону лифта.

– Это все? – несколько опешившая от неожиданности спросила я его вдогонку.

– Все, – ответил он.

– Больше ничего? – не нашла я спросить ничего более умного.

– Больше ничего, – равнодушно ответил он и нажал кнопку вызова лифта.

– А от кого?

– Там написано, – успел ответить он, прежде чем створки лифта захлопнулись за ним.

Я закрыла дверь, и мы с тетей остались вдвоем, с молчаливым вопросом попеременно глядя то на букет, то друг на друга.

– Вот и ответ на твой вопрос, тетя, – сказала я тоном, каким, наверное, в стародавние времена говорили «вот тебе, бабушка, и Юрьев день».

– Ну я же говорила! – всплеснула руками тетя, не уточнив при этом, что же именно она говорила. – Ой, какая прелесть!

Букет действительно был великолепен. Пять одинаковых по размеру, но разных оттенков огромных цветочных бутонов составляли смысловой центр букета и имели определенно экзотическое происхождение. От движения рук их лепестки слегка шевелились подобно языкам пламени, отчего казались живыми существами. Вместе с тем они имели вид необычайно нежный, и казалось, что от малейшего прикосновения их лепестки могут томно потемнеть и обреченно завять. В общем, создавалось впечатление такой беззащитной красоты, что непроизвольно хотелось задержать дыхание.

Однако мне, как человеку, не однажды побывавшему в тропических странах и повидавшему множество представителей местной флоры, было известно и другое: за внешней трогательной беззащитностью цветка или растения мог скрываться настоящий хищный монстр, не только пожирающий насекомых, имевших несчастье приземлиться на него, но и вполне способных создать существенные проблемы для здоровья и жизни человека.

Мне сразу же вспомнилось, как одна моя подруга из «Сигмы» при возвращении из восточной Африки не удержалась от соблазна и захватила с собой в Россию букет совершенно

очаровательных цветов. Если бы вы могли их видеть, то поняли бы, как тяжело было устоять против такого поистине нечеловеческого искушения. Мы сели на военном аэродроме, поэтому к ней, точнее к ее багажу, особенно никто не приставал, про цветы не спрашивал и на санитарный контроль не отправлял.

А вот у нее дома начался самый натуральный фильм ужасов по всем классическим канонам этого зрелищного жанра. Цветы немедленно после прибытия были помещены в лучшую вазу и определены на самое почетное место в доме. При этом она и не подозревала, какой чудовищный сюрприз ждет ее. Через несколько дней распустились еще не раскрывшиеся бутоны и оттуда с вибрирующим жужжанием повывлетали мохнатые насекомые.

С помощью рекламируемой по телевизору «Кобры» с насекомыми справиться удалось, но все остальные комнатные растения вскоре покрылись плесенью и успешно усохли, превратившись из пышных зеленых кустиков в скрюченных уродливых карликов. Зная множество таких страшных историй, услышанных из первых уст, начинаешь смотреть на всю экзотическую красоту совсем другими глазами.

Я с пристрастием осмотрела букет. Относительно недавно я успешно завершила дело по охране одного известного в городе бизнесмена. В результате моей четкой профессиональной работы он не только сохранил жизнь и здоровье, но и сумел узнать коварные планы своих конкурентов, собиравшихся разорить его фирму в пух и прах, а затем прибрать ее, что называется, к рукам. Однако, в конце концов, не без моей помощи, дело повернулось таким образом, что разоренными оказались именно конкуренты, а не мой подопечный. Поэтому с их стороны я вполне могла рассчитывать на внимание и «маленькую» месть.

Однако интуиция подсказывала мне, что, несмотря на всю необычность формы и окраски, цветы вряд ли были специально привезены издалека с тайной целью умертвить меня в страшных муках какой-нибудь еще неизвестной в наших широтах тропической лихорадкой. Скорее всего они были гибридом, умело созданным и выращенным где-нибудь в теплицах одного из тарасовских пригородов. Итак, версия моего коварного устранения в связи с характером моей нынешней деятельности полностью отвергалась. Да и интеллектуальный уровень разоренных противников вряд ли достигал высот такой поистине восточной изощренности. Но кто прислал мне такой презент, представить я тоже не могла.

– Значит, у тебя появился романтический воздыхатель? – широко улыбаясь, то ли спросила, то ли констатировала факт тетя.

– Не только романтический, а и довольно богатый. Такие цветы вполне могут стоить небольшое состояние по нынешним временам, – ответила я.

– Так кто же? – не унималась тетя в своем любопытстве.

– Ну, конечно же, это ОН – принц на белом «Мерседесе», владеющий цветочными плантациями где-нибудь в Латинской Америке, – так же, как и тетя, я находилась в полном недоумении по поводу таинственного отправителя.

– Ну, хорошо, хорошо, – тетя отправилась на кухню в радостном настроении, оставив меня в одиночку разгадывать неожиданно возникшую загадку.

Букет вскоре был помещен в вазу и водружен на журнальный столик. Я села в мягкое кресло рядом с ним и принялась осматривать его.

«А от кого?», «там написано», – всплыл в моей памяти обмен репликами с курьером.

Я продолжила визуальное изучение букета и вскоре в глубине декоративной зелени заметила темно-голубой конверт.

Что ж, версия моего физического устранения обиженными врагами и конкурентами моих бывших клиентов, которых мне пришлось охранять, опять приобрела черты злободневной актуальности. Научно-технический прогресс на данном этапе развития человеческой цивилизации достиг достаточно высокого уровня в области подрывных технологий, чтобы любую

неудобную личность можно было легко и непринужденно устранить мизерным количеством взрывчатки. Таким, которое свободно бы уместилось в почтовом конверте.

Воспоминания закружились в моей голове словно стая испуганных чаек. Я быстро произвела в памяти запись прочитанной нам в «Ворошиловке» лекции по определению взрывчатых веществ в корреспонденции.

«Будьте бдительны и осторожны, – гласил конспект, – если при осмотре полученной корреспонденции вы обнаружите следующие признаки...» Далее шел длинный перечень самых разнообразных показателей, главные из которых сводились к наличию в конверте веществ, напоминающих глину или оконную замазку, необычности письма по форме и весу, появлению грязных пятен, странного запаха (например, миндаля), просачиванию из него жидкости, отсутствию обратного адреса или указанию адреса незнакомого вам лица или фирмы и просматриванию детонирующего механизма в виде тонкой пружины с очертаниями монеты.

Я как можно аккуратней раздвинула стебли и листья цветов и осторожно, держа тело двумя пальцами за уголок, извлекла конверт из глубин букета. Никаких опознавательных знаков или следов отправителя на нем не было.

– Итак, первый признак есть, – открыла я счет известным мне признакам. – Один-ноль не в мою пользу.

Однако темно-голубой конверт из плотной бумаги всем остальным признакам соответствовать никак не желал. Обыкновенный конверт, сделанный скорее всего по заказу специально для вкладывания в букет. Ни пятен, ни необычного запаха обнаружить мне также не удалось. Я посмотрела конверт на просвет. Плотная бумага плохо пропускала сквозь себя солнечный свет из окна, но можно было заметить, что, кроме небольшого прямоугольника, там ничего больше нет.

– Ну что ж, приблизительно восемь против одного, что бомбы там нет, – подвела я итог.

Я положила конверт на столик и достала пилку для ногтей, чтобы распечатать его. В этот момент в моей памяти всплыл фрагмент конспекта, который я уже вспоминала. Точнее, приписка мелким почерком, сделанная в самом конце.

«Помните, что большинство современных писем-бомб гораздо тоньше и более компактно, чем обычно, – жизнеутверждающим аккордом сообщала она, – и поэтому у них может не быть тех признаков, которые были упомянуты выше. Единственным способом определения таких писем и посылок может быть их сканирование на рентгеновской установке или детекторе определения взрывчатых веществ».

Перспектива стать жертвой неизвестного бомбиста мне как-то не улыбалась. Ладонь с пилкой заметно вспотела.

Состояние опасности было давно знакомо мне. Однако ничто так не волнует кровь и не заставляет учащенно биться сердце, как именно это чувство. Внутренне я не ощущала исходящей от конверта угрозы. Но времени, прошедшего с момента окончания последнего моего дела, прошло вполне достаточно, чтобы интуиция успела притупиться. А хорошо известно, что интуиция, как и любой другой навык, требует постоянной тренировки.

В комнате стало тихо. Только тикали часы. Они тикали на стене, внутри меня, в такт сердечному ритму, и повсюду вокруг.

Я погрузилась в особое состояние, когда ты перестаешь чего-либо бояться, и руки сами, совершенно отдельно от меня начинают делать все, что надо. Плотный запечатанный конверт не желал с легкостью уступить напору металлического ребра пилки.

Я усилила нажим, и верхний клапан конверта с треском неровно рвущейся бумаги на этот раз поддался. Отложив пилку, я начала осторожно отгибать бумажный треугольник, как вдруг... пространство комнаты взорвалось резким хлопком и звоном бьющегося стекла. Мой взгляд быстро метнулся к окну, отметил целостность стекол и рамы и тут же вернулся обратно к конверту.

Конверт по-прежнему безмятежно лежал на столике. Я снова перевела взгляд на окно и внимательно прислушалась. С улицы донесся шум и раздались возмущенные крики, из которых следовало, что открытие футбольного сезона дворовой детворой успешно состоялось. И разбитое стекло было весомым тому подтверждением. Мое внимание вновь всецело вернулось к конверту. Я раскрыла его, наклонила, и из него на поверхность столика с мягким шлепком вывалился маленький кусок картона.

Кусок картона оказался несколько большей принятых стандартных размеров визитной карточкой. Во всяком случае, в первый момент из-за крупной, напечатанной в середине фамилии мне показалось, что это была именно визитная карточка. А в следующее мгновение прозвучали резкие телефонные звонки.

– Женечка! Это тебя, – раздался через несколько секунд тетин голос. – Какой-то мужчина. И голос такой солидный, – зажав микрофон рукой, полупшепотом сообщила она прежде, чем передать мне трубку.

– Угу, – неопределенно буркнула я в ответ.

Тетя широко и загадочно улыбнулась мне напоследок и исчезла на кухне.

– Слушаю, – произнесла я.

– Здравствуйте, – сказал в трубке действительно солидный и, похоже, уверенный в себе голос. – Охотникова?

– Здравствуйте. Да я – Охотникова.

– Евгения Максимовна? – дотошно продолжал уверенный голос.

– Да, Евгения Максимовна.

– Это Соболев.

Фамилия Соболева мне абсолютно ничего не говорила. Человек на том конце провода, видимо, почувствовав это, немножко занервничал.

– Евгения Максимовна, – заговорил он после небольшой паузы в нашем разговоре, – вы получили букет?

Я посмотрела на картон из конверта – это, значит, все-таки оказалась визитка, которую я прихватила со стола с собой, и быстро пробежала по ней глазами. «Соболев Семен Петрович, ООО „Эдем“, генеральный директор», – сообщала она.

– Да, конечно. Я получила.

Несколько напряженная тишина в трубке после моего ответа сменилась неким подобием сдержанного вздоха облегчения.

– Вам понравилось?

– Разумеется, – ни в малейшей степени не кривя душой, ответила я.

– Это вам от меня.

– Огромное спасибо, – начала я, вполне справедливо полагая, что просто так в наше время никто не будет дарить незнакомой девушке цветы. – Но...

– Евгения Максимовна, я сейчас вам все объясню, – торопливо перебил меня Соболев.

Из его дальнейших слов следовало, что мой адрес, телефон, равно как и род моей деятельности известны ему от одного из моих бывших клиентов, с которым Соболев одно время состоял в деловых отношениях. Именно от него он и получил восторженный отзыв о моей работе и способностях.

– Евгения Максимовна, – сказал Соболев после перечисления всех лестных эпитетов, которыми я была награждена нашим общим знакомым, – как вы относитесь к перспективе пообедать сегодня со мной в ресторане?

– Смотря по какому поводу, – уклончиво ответила я. – Кстати, можете называть меня Женей.

– Разве полученные вами цветы не являются лучшим из всех поводов и доводов, вместе взятых? – шутливо изумился Соболев.

– Если вы зовете меня на свидание, то это – аргумент, разумеется, более чем достаточный. А если по работе – то не могу вам ничего обещать заранее. Поэтому определенный ответ я дам только после того, как узнаю суть дела.

Я почувствовала, что на том конце провода несколько замялись.

– Видите ли, Женя, во время обеда вы мне нужны в вашем профессиональном качестве.

– Тогда нам необходимо обязательно встретиться до обеда, – твердо заявила я.

– Хорошо, – сдался Соболев. – Где мы можем это сделать? У меня довольно мало времени – обед должен состояться через... час и двадцать минут.

– Тогда приезжайте ко мне, – предложила я.

– Хорошо. Я буду приблизительно через пятнадцать минут.

* * *

Через пятнадцать минут, как и было обещано, раздался звонок. Соболев вполне соответствовал своему голосу – солидного и уверенного в себе человека лет тридцати семи. Сразу же, как вошел, он одарил меня широчайшей улыбкой и поцеловал руку. Тетя Мила была удостоена такой же улыбки и такого же поцелуя, чем мгновенно была совершенно очарована.

Мы прошли в комнату, журнальный столик в которой украшал присланный моим посетителем букет. Мы расположились в креслах по разные стороны от столика.

– Итак, Семен Петрович, – сказала я, – учитывая дефицит времени, давайте обсудим вашу проблему.

– Проблемы, Женя, как таковой не существует, – начал Соболев. – Просто мне необходимо, чтобы во время обеда со мной был охранник. Причем желательно, чтобы это было как можно менее заметно со стороны.

– Это какой-то необычный обед?

– Обед самый обычный. Скорее это даже бизнес-ленч, как это принято сейчас называть.

– Вас нужно охранять от человека, с которым вы встречаетесь?

– Нет. Этот человек надежен и проверен, и я знаю его давно.

– Это не показатель, – вставила я свое возражение.

– Да, конечно, – кивнул Соболев. – Но здесь совсем другой случай – мы зависим друг от друга.

– Тогда я пока не совсем вас понимаю.

– Знаете, Женя, пожалуй, я могу быть откровенным с вами.

Я согласно кивнула. Хорошо, что клиент быстро сам пришел к такому выводу. Мне частенько приходилось сталкиваться с тем, что заказчики охранных услуг не считали нужным посвящать телохранителя во все подробности своих дел, личной жизни и так далее. Что, естественно, не самым лучшим образом сказывалось на качестве охраны, не говоря уже о моей последующей профессиональной репутации. При этом бывали случаи, когда клиент сознательно умалчивал некоторые детали, чем самым натуральным образом подставлял меня. Но теперь, имея имя, я могла позволить себе не кидаться на первое же предложенное дело, как это было в самом начале моей карьеры, до четкого прояснения всех интересующих меня подробностей.

– Я получил от Гены самые хорошие рекомендации в ваш адрес, – продолжил Соболев, глядя прямо мне в глаза, и словно оценивая степень доверия, которого я могу быть достойна. – Он сказал, что вы гарантируете конфиденциальность информации.

– Разумеется, – рассеяла я его опасения.

– Так вот, вы же понимаете, что из-за нашей жуткой налоговой системы просто невозможно быть честным. Большую часть денег приходится проводить мимо кассы.

– Вы имеете в виду «черным налом»?

– Да. Именно «черным налом». И представитель тех людей, с которыми я в данный момент работаю, сегодня будет передавать мне важные документы, связанные с этим «черным налом».

– Ясно, – кивнула я, – продолжайте.

– Мне, как вы, наверное, понимаете, очень не хотелось бы, чтобы эти бумаги попали к посторонним людям. – Соболев снова внимательно посмотрел на меня, чтобы убедиться, достаточно ли хорошо я его понимаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.